

СЕМЬЯ И ВРЕМЯ

Под рубрикой «Семья и время» журнал «Знание. Понимание. Умение» начинает публиковать документы, представляющие собой автобиографические описания, которые делали для себя, своих детей и внуков, близких друзей люди разных профессий, судеб, взглядов на жизнь. Эти материалы объединяет то, что они принесены в редакцию профессорами и преподавателями, сотрудниками Московского гуманитарного университета: им адресованы строки, написанные их родителями, дедушками и бабушками, другими родственниками. Но это лишь внешняя связь публикуемых текстов. В повествованиях о прожитом, «былом и думах», мемуарах для своей семьи, безыскусных рассказах о событиях частной жизни обычных людей во весь рост встает история нашей страны, российского народа.

В научном отношении публикации этого раздела журнала могут выступать важным историческим источником, а также эмпирическим материалом для работ в области исторической психологии, социологии, политологии и других наук и научных дисциплин, где применяются различные технологии анализа документов. Публикации выдержаны с традиции биографического метода — одного из основных для качественной стратегии гуманитарных наук. Среди прочего, это означает, что тексты не подвергаются редакторской обработке, исправляются лишь очевидные грамматические ошибки и опуски.

Публикуемый в этом номере журнала текст написан Ларисой Николаевной Белой, которой в 2008 году исполнилось 86 лет. Лариса Николаевна — мать проректора Московского гуманитарного университета Евгения Анатольевича Белого, любезно предоставившего рукопись для печати.

Исповедь. Мои воспоминания

Л. Н. БЕЛАЯ

Давно отцвела моя молодость. С 1943 года я живу в г. Краснодаре. Давно выросли мои любимые дети, получили образование и ушли на свои хлеба. Мои ростки отпочковались, отделились от меня и всеми своими корешками приросли к чужому для меня дереву. Я впервые почувствовала, как уходят дети, опьяненные своим счастьем, своими надеждами, оставляя тебя одну. Больно, но я не плачу. Таков закон природы. Правда, ты мо-

жешь погреться у их счастья, как греются у чужого костра, но этого тепла хватит ненадолго. Ты остаешься одна и как бы уходишь в прошлое. Становишься ненужной и одинокой. Такова жизнь. Так почему все чаще возвращаешься мыслями к своему детству, к станице Мингрельской Абинского района Краснодарского края, в которой родилась?

Наверное, потому, что там похоронены мои родители, мои бабушка и дедушка. Их

давно нет, но они были на протяжении немногих лет, а теперь остались могилы, от которых остались свет и тепло, как от очень далекой звезды. Мне помогает жить память о них и о своем далеком детстве, о котором часто вспоминаю. А какое оно было, детство? Трудно сказать.

Я помню себя примерно с пяти лет. У многих детство было хорошим, а мое детство судьба обстреляла так, что в памяти остались одни слезы, унижения и оскорбления. Рано пришлось познать взрослую жизнь. Когда исполнилось мне 5 лет, а моему брату 6 месяцев, умерла наша родная мамочка. Смерть жестокая, черная, безжалостная забрала нашу мамочку в мир иной, а нас оставила горевать на этом свете. Маме стало плохо ночью, отец позвал соседей, а сам запряг лошадей и поехал за доктором. Доктор, если можно ее назвать доктором, отказалась ехать ночью к больной. А когда папа рано утром привез ее, то маме она была не нужна. Мамочка скончалась. Отец остался с двумя малолетними детьми. По казачьим обычаям отцу нельзя было жениться второй раз, пока у умершей жены не остынут ноги. Пока у мамочки «застывали ноги», много горя испытал наш отец. Надо было пахать, сеять хлеб. В то время жили тем, что вырастят на своей земле, других доходов не имели. С отцовской стороны никто отцу не протянул руку помощи. Казалось бы, бабушка должна была пожалеть своего сына и взять нас к себе, но этого не случилось. Почему? Я так и до сих пор не знаю.

Нашу мамочку звали Мария Яковлевна. У нее были сестры. Одна сестра к этому времени была вдовой — муж погиб в гражданскую войну, а ей оставил четверых детей. Другая сестра была богатая женщина — торговала в своем магазине, детей своих у нее не было. Звали ее Агрипина Яковлевна (для меня она была тетя Груня), очень красивая женщина и очень похожа на мою мамочку. Она вышла замуж за богатого казака, который жил в богатой казачьей станице Уманской. Тетя Груня и дядя Сева Ставицкие взяли меня к себе. Дом у них был красивый,

многокомнатный. Меня поселили в комнате, где спала бабушка, мама дяди Сени. Сколько я у них жила — не помню. Моя память сохранила: когда я просыпалась утром, возле моей кровати на тумбочке стояла красивая тарелочка, а на ней лежали ириски. Сейчас я уже в преклонном возрасте, а ириски помню до сих пор как доброе отношение тети и дяди, которое они выражали к сироте. Еще помню новые платья, которые тетя шила для меня к большим праздникам. Хорошо помню, как тетя и дядя ходили в цирк и меня брали с собой. Часто вспоминала о маленьком брате, об отце. Как они жили, я не знала. Я очень скучала о них, а когда вспоминала о маме, то тихо плакала под одеялом.

Дом у дяди Сени был очень красивый, с большой верандой. С веранды выходили на крыльцо. Крыльцо крепилось на колоннах. Вот я и придумала себе забаву: одна колонна была — отец, другая — Пимен, папин брат, который часто покупал мне конфеты. Третья колонна была названа именем моего маленького брата — Володя. Когда меня отпускали погулять, я выходила на крыльцо, по очереди всех обнимала, здоровалась и спрашивала отца, когда он заберет меня домой.

Наконец пришел долгожданный день: приехал за мной мой дядя Пимен Митрофанович. Тетя и дядя проводили меня к подъезду, я распрощалась с ними и больше никогда не видела. Говорили, что их раскулачили и выслали — там они и умерли.

Ехали поездом. Всю дорогу дядя Пимен подготавливал меня к встрече с новой мамой. Новую маму звали Мария Иовна, дядя сказал, что она красивая, добрая и очень ждет меня. На вокзале встречал нас папа. Он выехал встречать нас лошадьми, запряженными в сани. Зима была холодная, и выпало много снега. Папа взял меня на руки, прижимал к себе, целовал, а по щекам текли слезы. В санях было много сена. На сене папа расстелил одеяло, посадил меня и плотно завернул кожухом (кожух — дубленка грубой выработки, надевали его зимой, когда ехали в дорогу). Кожух, как шуба, длинный и теплый.

Приехали мы к дедушке на усадьбу (дедушка по отцу). Папа взял меня из саней на руки, а навстречу нам шла женщина. Когда она подошла ближе и остановилась, папа сказал: «Это твоя новая мама». Моя новая мама поцеловала меня, взяла за руку и повела в хату. Когда моя новая мама привела меня в хату, там было много людей. Кто они были и кем мне доводилось — не помню. Ко мне подошла пожилая женщина (это была моя новая бабушка). Она прижимала меня к себе, гладила по голове и плакала. Так началась моя жизнь с новой мамой.

У моего дедушки семья была большая — шесть сыновей: Николай (мой папа), Григорий, Петр, Иван, Яков и Пимен. Две дочери: Екатерина и Лидия. Мой папа — самый старший в семье. Папа и три брата — Григорий, Петр, Иван — были женаты и имели большие семьи, жили отдельно от дедушки. Но наделы земли были недалеко от дедушкиной усадьбы. Дедушка мой был казак среднего сословия, жил только в усадьбе, а в станице Мингрельской дома не было. Жилье напоминало длинный прямоугольник и состояло из двух хат: «мала хата», или кухня, и «вылыка хата», или чистая половина. В «малой хате» стояла русская печь, в которой бабушка пекла хлеб и красивые, большие, вкусные пироги. Между стенкой и печью стояла большая деревянная кровать, на которой спали дедушка и бабушка. На другой стенке были два окна, а под окнами стояла длинная лавка (называли ее диван). Впереди дивана стоял стол, покрытый клеенкой. В углу второй и третьей стенок были прибиты несколько икон, а к иконе крепилась лампадка, которую зажигали в праздничные дни. По-над третьей стеной стоял кованный сундук. «Малу хату» с «вылыкой хатой» соединяли сенцы.

«Вылыка хата» была как святое место. Выбелена, вымыта и напоминала собой первый выпавший снег. В углу прибиты много икон, этот угол назывался святым. Под иконами стоял столик-угольник, накрытый красивой салфеткой. На этом столике лежали церковные книги (библия, евангелия) и стоял

очень красивый медный подсвечник. В святом углу хранились документы и ценные бумаги. Так как у бабушки было две дочери, то в «вылыкой хате» стояли две деревянные кровати с постельными принадлежностями, покрытые до самого пола подзорами, а сверху покрывалами. А самым главным украшением кровати были подушки. Наволочки, белье и с прошвами, складывались одна на другую до самого потолка. Стоял комод.

В комод лежала одежда, приготовленная для невесты на будущее. Там лежали юбки, кофты, белье, полотенца. Кофта теплая с большим запахом шилась из дорогой материи и на вате, надевалась в основном в праздничные дни. Спать на кроватях не разрешалось до замужества. Еще в «вылыкой хате» стоял посудный шкаф, а в нем стояла праздничная посуда.

Пол был земляной и покрыт красивыми домоткаными дорожками. Стол стоял возле окон и был накрыт светлой скатертью с голубой каймой внизу. В хате были все необходимые вещи для жизни, а ели за низким круглым столом, который назывался «сырно». Вокруг сырна садились на маленькие скамеечки. Дедушка ел отдельно от всех и с настоящей белой тарелки, а все остальные ели с глиняных мисок.

Кроме хаты во дворе были хозяйственные постройки — сарай для хранения хозяйственного инвентаря (плуги, бороны, косилка, веялка), конюшня, амбар, саж для свиней, скотный двор и колодец. За сараем была еще одна хата, в ней жили дедушкины повзрослевшие сыновья до самой женитьбы.

Все постройки укрыты камышом так искусно, на ребрах скатов получились красивые гребни. Вся усадьба была огорожена тоже камышом. Чтобы изгородь казалась ровной, натягивали на колушки веревку, а под веревкой рыли неглубокую канавку. В канавку пучками ставили камыш. Пучок камыша посредине переламывали наискосок и верхушками опускали в канавку. Для устойчивости концы камыша засыпали землей. Получались легкие, красивые и дешевые изгороди. Кроме построек мне запомнился де-

душкин сад, большой по занимаемой площади и большой ростом.

Время шло, подросла и я. Дедушка приехал в станицу по делам весной, когда цвели сады. На обратном пути забрал меня на свою усадьбу. Мне тогда казалось, что я попала в райский уголок. Деревья стояли все в цвету, словно накрыты белым покрывалом, росли строгими рядами, стволы побелены, каждое дерево обкопано, а земля между рядами вспахана культиватором. По центральной дорожке сада посажены разные цветы. Мой дедушка очень любил свой сад, а особенно цветы, и всегда ими любовался. В конце сада на свободном месте — ухоженный виноградник.

На казаков началось гонение. Казачью форму мало кто носил, а то и совсем она была уничтожена. У моего отца формы казачьей уже не было. Дедушка очень любил казачью форму и, как мог, сохранял ее, за что впоследствии пострадал. Был какой-то семейный праздник. Собрались все его сыновья с женами и детьми. Все попросили дедушку надеть казачью форму. Он ушел из хаты, и долго его не было. Пока накрывали столы, дедушка возвратился в казачьей форме. Это было что-то особенное. Черкеска из черного фабричного сукна, бешмет, башлык, сапоги, папаха, ремень узенький и разные на нем украшения. Таким я его запомнила на всю свою жизнь. Да не только я, а вся его родня видела его в казачьей форме последний раз. Как развивались события дальше, я расскажу позже, а теперь возвращусь немножко назад.

Когда дядя привез меня на дедушкину усадьбу и я встретилась со своей новой мамой, братом и папой, мы все некоторое время жили в усадьбе дедушки. Усадьба отца располагалась недалеко от дедушкиной усадьбы, но хата была не достроена. Поэтому родители решили ехать в станицу Мингрельскую и зимовать в своей хате. До станицы было 25 километров, зима, снег и холод. Отец запряг лошадей в сани, набитые сеном, в сене выбрал углубление, как большое гнездо, поверх одежды завернул меня теплым

одеялом и посадил в гнездо, мама надела большой кожух, села в сани, а потом посадила себе на руки брата и завернула его кожухом. Последним сел отец, а мама сказала: «Ну, с Богом, дети» — и перекрестилась. Лошади тронулись. Мне казалось, ехали мы долго, стужались сумерки, и мороз, который обжигал, словно раскаленное железо, встретил нас на дороге. Закончился день, и закончилось наше путешествие, лошади въехали в станицу, а потом встретил нас наш двор и наша хата.

Здравствуй, наша новая жизнь!

Звали мою новую маму — Мария Иовна. В детстве жила мама в большой многодетной семье. В то далекое время семьи были большие в каждом дворе, только делились на бедных и богатых. Семья у мамы была бедной. Грамоте своих детей учили только богатые казаки и оседлые и богатые иногородние. Среднего достатка — учили больше мальчиков, им надо было служить в армии и уметь читать и писать. Мальчики учились в церковно-приходской школе год или два. Девочек почти никто не учил. Выйти замуж, рожать детей и вести хозяйство — грамота не нужна. Была бы верная подруга и добродетельная мать. Замуж девочек отдавали шестнадцати лет. Мою маму с десяти лет отдали в богатую казачью семью в няньки. Ее задача была смотреть за маленьким ребенком. Кормить, гулять с ним, укладывать спать. Мать ребенка не всегда ездила в поле, ей работы хватало дома. Пекла хлеб, готовила обед, чтобы достойно вечером встретить работающих в поле. Стирала всем белье и смотрела за домашним хозяйством. Так что нянька такой семье всегда была нужна. Эту маленькую няньку бесплатно кормили и покупали ситец на платье и башмаки. В воскресенье нянька ходила к родителям. В то далекое время в воскресенье не работали, считалось большим грехом.

Когда маме исполнилось 12 лет, она уже работала в поле со взрослыми. В те годы многие хозяйства занимались табаководством. Табаководство считалось престижным. Табак давал хороший доход. И когда при-

ходило время высаживать рассаду табака в грунт, создавались бригады. На земле делались борозды. Первым, рядом с бороздой, шел мужчина с лейкой с водой в одной руке и чивием в другой руке (чивий — это пес-тик, выстроганный из круглой ветки, длинной сантиметров 50–60. Один конец остро заточен, а на втором конце прибывалась ручка, чтобы удобно брать рукой и нажимать в землю). Мужчина чивием на определенном расстоянии бил ямки, поливал водой. Следом шла раскидальщица рассады, а потом уже сажальщица рассады в грунт. Весь процесс выращивания и уборки табака исполнялся вручную. Машин не знали. Так как моя мама была очень быстрая по натуре, то и работала она раскидальщицей рассады табака в ямочки. И так целый день, согнувшись, она быстро успевала выполнять свою работу.

В 15 лет она умело вела домашнее хозяйство. Самым трудным делом и кропотливым для женщины считалось печь хлеб. В 16 лет маму выдали замуж. После венчания пришли в дом жениха (мужа), где ожидал обыкновенный обед с родными и самыми близкими друзьями, и на том закончилась свадьба. Утром рано поднялись, муж мамы ушел работать к своему хозяину, а мама к своему. Пришло время, ее муж ушел в солдаты и погиб в гражданскую войну. Солдаткой мама жила 16 лет. Все эти годы она работала у богатых казаков и помещиков. Работы выполняла всякие, работала в поле, была домработницей на хозяйских харчах. За работу хозяин платил 5 копеек в день. Так моя вторая мама жила и работала, пока не вышла замуж за моего отца. Своих детей она никогда не имела. Сейчас я сама мама, бабушка и ее считаю мужественной женщиной. Идти на чужих детей, надо иметь большую силу воли. Мама ее имела. Живя с моим отцом, на производстве мама не работала, а вела домашнее хозяйство и растила нас с братом. Хозяйство она вела умеючи и с любовью. Все спорилось в ее руках. Папин отец подарил нам телочку, со временем она стала коровой. Были свинья, гуси и куры и большой огород. Все хо-

зяйство требовало к себе большого внимания. Благодаря труду и умению моей мамы пища в доме была своя и обильная.

Так как мой брат Володя был совсем маленьким (ему было около двух лет), он быстро привязался к маме, а она к нему. Все свое внимание и заботу мама уделяла брату. Я, как старшая, была на втором плане и «мальчик на побегушках»: подай, принеси. Материнского чувства у нее не было, ласковой она не была, а была привязанность и привычка. Время шло, и брат стал взрослым и военным офицером. Каждый год приезжал в отпуск с семьей. Когда возвращался с отпуска, со всеми прощался, мама обязательно совала деньги ему в карман для него лично, и чтобы никто не видел.

Возвращаясь к своему детству. Мне казалось, я маму раздражала. Меня можно было наказать, отхлестать хворостинкой за непослушание, лишить леденца или поставить в угол до тех пор, пока не попрошу прощения. Отцу жаловаться нельзя, мама считала себя правой. Отец в наши дела не вмешивался, да и дома редко бывал. Выполнял всякие казацкие поручения (дежурил в казачьем правлении, возил почту на вокзал, возил дрова из лесу в правление). Светлая память сохранилась у меня о нем. Никогда на меня не кричал и физически не наказывал.

Утром мама с постели поднималась с пухами и поднимала меня, говорила: «В постели утром нельзя долго нежиться — эта нежность развивает лень». Или: «Вставай, а то все свое счастье проспий». Давала мне задания: умыться, помолиться Богу, протереть влажной тряпкой пол, протереть подоконники и полить в горшочках цветы. Сама уходила на базар или управлялась по хозяйству. Так рано мама начала приучать меня к труду. Весной отец нас всех вывозил на усадьбу, жили там во времянке. Забирали туда все хозяйство: корову, свинью, птицу. Там заданий для меня было больше. Родители уходили обрабатывать свои поля, а я смотрела за братом, следила, чтобы у птицы в кормушке всегда была свежая и чистая вода. Самым трудным заданием было смотреть

за маленькими цыплятами. Курица-мать уводила своих цыпляток дальше от жилья на свежую травку. Коршун тоже не зевал. Расправлял крылья, камнем падал вниз, хватал когтями цыпленка и был таков. Меня мама крепко наказывала, называла дармоедкой, а то и вовсе не замечала. Кроме наказаний, мне очень было жалко цыпленка, ведь коршун хватал его живым и рвал своим клювом цыпленочка тоже живым. После всех событий я не могла долго уснуть, вспоминала свою родненькую мамочку и горько плакала. Приходила осень, и все полевые работы заканчивались, мы опять зимовать переезжали в станицу Мингрельскую в свою хату. Много было всяких событий, но одно событие моя детская память сохранила надолго.

Событие это — бабий бунт. Вышло постановление партии и правительства: после сбора урожая лишний хлеб сдать государству. Но местные власти выслуживались во все времена перед вышестоящими руководителями.

У власти были пролетарии, беднота, которая работала когда-то на богатых казаков и помещиков. Новая власть проверяла все дворы и отбирала насильно не только излишки зерна, а подчистую. Не обращала внимания новая власть на то, что в семьях было много детей, а отбирала зерно до последнего зернышка. Отобранное зерно свозили в общие амбары и закрывали, и охраняли. Началась голодовка, умирали дети, старики. Женщины не выдержали и пошли громить амбары и забирать зерно. Местные власти ничего не могли сделать и вызвали карательный отряд. Женщины не сдавались. Тогда карательный отряд сел на лошадей и начал разгонять хлыстами и шомполами. Женщины не сдавались. Тогда карательный отряд начал стрелять в воздух. Женщины дрогнули и начали убежать, а за ними на лошадях скакал карательный отряд и стрелял выше голов. Женщин заводили арестовали, а остальных разогнали.

Я подросла и больше стала понимать. Напротив нашего двора по другую сторону улицы жила бабушка, она уважала меня, часто угощала гостинцами. Защищала меня,

иногда маме делала замечание: «Физически детей наказывать грешно». Мама ей отвечала: «За битого двух небитых дают, да никто не берет». Эта бабушка часто ходила в церковь и однажды взяла меня с собой. Она учила меня, как надо вести себя в церкви, баловаться нельзя, а только слушать, как идет служба, и молиться. И вот мы зашли в церковь. Перед моими глазами открылся новый мир. Действительно, это было святое место, райский уголок, где обо всем забываешь. Я не умела молиться и тупо смотрела на иконы, на горевшие свечи, на вышитый крест ризы на спине священника, на иконостас, на убранство церкви и ничего не понимала. Потом родители разрешили мне самой ходить в церковь. Ходить в церковь мне казалось большим подвигом. Я подходила к свечному ящику, брала свечи у церковного старосты и ставила их, куда показывал староста. Я наблюдала, как выходил священник в ризе, и начиналась церковная служба. Я вслушивалась в каждое слово молитвы, хотя мало что понимала, и крестилась, когда крестился священник, и все это было велико и свято в моих глазах. Другого развлечения не было. О радио ничего не знали, не было электрического света. Привлекала только церковь. Я не пропускала ни одного праздника и стояла в церкви впереди всех.

Мне очень нравилось смотреть свадьбы. Нравился сам процесс венчания. Это было что-то святое, величавое, торжественное, радостное и печальное, что бывает один раз в жизни. Бывало, венчались несколько пар сразу. Седовласый священник одет в праздничную ризу, вид у него был торжественный и радостный. После венчания священник поздравлял молодых с законным браком, говорил хорошие пожелания. Церковный хор пел: «Многая лета, многая лета». Да так пел, что казалось, вот-вот вылетят стекла из окон.

А еще мне запомнился колокольный звон нашей церкви. Звон праздничный, звон торжественный, звон печальный (когда отпевали умершего). Очень часто колокол звонил в зимнее ночное время, для тех, кто в пути.

Зимние ночи трещали от мороза. Пурга заметала все следы и прятала звезды. Для того чтобы запоздалый путник не сбился с пути и не замерз ночью, протяжно звонил церковный колокол, и его далеко было слышно за станицей. В те далекие годы асфальтовых дорог не было, а были только проселочные.

Время шло, мы с братом подросли. Пришло время отдавать меня в школу. Там, где работал отец, школы не было. Поэтому меня не очень спешили отдавать в школу (пусть ума набирается). Вышел Указ Советского правительства об обязательном обучении детей в школах, начиная с семилетнего возраста. Мне тогда было 9 лет. И не только я была переросток, таких было большинство. Меня записали в первый класс в станице Мингрельской, а жила я у тети, сестры моей второй мамы. Своих детей у нее не было, и поэтому тетя согласилась взять меня к себе. Так у меня началась опять новая жизнь.

Когда я пошла в первый класс, то церкви моей любимой не было и в помине. На том месте, где стояла церковь, было пустое место. Ее взорвали, разобрали, яму засыпали землей, и все место распахали. Со временем посадили сад и поставили летний кинотеатр. Церковь стала считаться дурманом для народа. Церковные праздники запрещались, особенно для детей.

С родственниками моей умершей мамы я не общалась. Они отделились от меня, да и свои семьи у них были большие. Но под Рождество, 6 января, ближе к вечеру, близким родственникам, друзьям, соседям носили вечерю. Вечеря состояла из вареного риса, украшенного леденцами, и подарка. Тарелку с рисом ставили на белый новенький платок, сверху укладывали подарок. Кончики платка связывали крест-накрест, и получался удобный узелок.

У моей умершей мамы остался старенький отец, бабушка умерла раньше, а дедушка жил с дочкой и зятем. Моя новая мама купила подарок, собрала всю вечерю в узелок и послала меня к дедушке Якову Безуглому. Я пошла самостоятельно без сопровождающих на другой край станицы. Пока до-

шла, хорошенько замерзла. Когда заходишь в комнату (хату), надо сказать: «Папа и мама прислали вам вечерю». Дедушка Яша поднялся с кровати, голова его дрожала, он был совсем стареньким. Дедушка обнял меня, потом оттирал и целовал мои замерзшие руки, а его слезы мочили их. Сейчас я сама уже в возрасте, а мне кажется, что эти горячие слезы на моих руках так и не высохли. Трудная была жизнь, а время летело быстро. Пришла пора идти в школу моему брату. Его отдали в школу семи лет. Так и жили с тетей, учились в школе, росли, помогали тете по хозяйству и незаметно выросли и разлетелись в разные стороны.

Родители жили далеко, а мы учились самостоятельно, помогать нам было некому. Часто болели простудными заболеваниями, малярия покоя не давала. Очень хотелось, чтобы рядом была мамочка, но она была нужна Богу.

Что могла сделать чужая тетя? Да ничего. Врачи по домам не ходили. Начинает трясти малярия, подымается высокая температура, ничего не соображаешь. А тетя говорит: «Иди в школу, не поддавайся всяким болячкам и в постель не ложись, а то совсем свалит!». Придешь в школу и ничего не соображаешь от температуры, склонись на парту и уснешь. Учительница разбудит и отправит домой.

Когда заканчивались продукты и кроме постного борща и кукурузной каши есть нечего, тогда портилось настроение, скучали о родителях и ожидали, когда они приедут. Мама рассказывала сказки о царях, о царевичах и зверюшках. В одной из сказок были такие слова: «Когда кошка умывается лапкой и лапка у нее теплая, то обязательно кто-то придет из самых близких». Или зимой топили печку дровами, и из печки выскакивала искорка, то тоже жди дорогого гостя, придет тот, которого сильно ожидаешь. Как сейчас помню: сидим с братом, занимаемся каждый своим делом, а кошка слезла с печки, села у порога и начала умываться правой лапкой, а потом левой. Брат бросил свое занятие и побежал пробовать лапу

у кошки. Подержал в руке лапку и закричал от радости: «Лапка у кошки теплая, значит, скоро приедут родители».

Родители и сами знали, что надо ехать. Для нас их приезд был большим праздником, они привозили много вкусных продуктов. Сахара тогда не было, родители сеяли тростник и варили тростниковый мед. Мама пекла хлебобулочные изделия на яйцах, кислом молоке и тростниковом меде. Эти печености были очень вкусными. Привозили рыбу, курицу резаную, сало, топленое молоко. Узнавали про нашу учебу и опять уезжали.

В зимнее время день был коротким и холодным. Тетя топила русскую печь на ночь для тепла. После ужина залезали на печь с зажженной лампой, и брат начинал читать книжку вслух. Тетя была неграмотная, а книги любила и помогала нам доставать их. Книг читали много и разных. Читали сказки, «Остров сокровищ», «Дети капитана Гранта», «Всадник без головы». У тети была замечательная память. Она дожила до глубокой старости, а героев книг, их имена и краткое содержание помнила лучше нас.

По окончании учебного года родители забирали нас к себе. В старших классах учиться было трудновато, сложности были в нехватке книг (учебников), особенно книг по математике, русскому языку и литературе. Один учебник давали на два человека. Пойдешь за учебником к напарнику — его нет дома или он еще сам не учил. Когда появились дополнительные занятия, дело пошло на лад. В школе были строгие порядки. Сейчас девочки ходят в школу с прической, накрашенными ноготками, в модной одежде, туфли на высоком каблучке, губы крашенные, пахнут духами, золотые часы, сережки, а в наше время считалась такая девочка нескромной. Она не заработала ни копейки и не имела права носить такие вещи и выставить себя взрослой. На танцы вечером в клубы школьницам запрещалось ходить. Одежда была скромной, и обувь на низком каблучке. До сих пор помню случай с девочкой из 8-го класса. К ним приехала родственница из города. Она была замужня женщи-

на и укладку своим волосам делала плойкой сама. Этой девочке-восьмикласснице тоже захотелось узнать, как это получится у нее. Родственница уложила волосы и на ее голове. Когда эта восьмиклассница появилась в школе, получился большой скандал. Директор школы, фамилия ее Пашкова, заставила всех школьников выстроиться на линейку. Эту восьмиклассницу поставила возле себя перед всеми учениками и учителями, самолично намочила волосы (укладку) на голове девочки водой и отправила домой за родителями. Вот так мы в то время росли и учились.

Чему научила меня моя вторая мама? Рано научила трудиться, самостоятельно себя обслуживать и брата тоже. Когда учились в школе, я стирала и свои вещи, и вещи брата. Я старше брата на 4 года. Поэтому забота о нем лежала на мне. Уважать и не противоречить родителям, слушать старших, не болтаться по подружкам, а помогать тете вести хозяйство. Убирать хату, носить воду из речки для стирки, весной помогать копать огород. Так я росла, старалась всем угождать, всех слушала, боялась сказать лишнее слово и все боялась, как бы чего не вышло. Всем угождала и не думала о себе.

Когда мне исполнилось 14 лет и я поехала к родителям на летние каникулы, мама сказала мне: «Пора, доченька, зарабатывать себе на хлеб». Я молча взяла сапку в руки и пошла со всеми рабочими обрабатывать поля. Сейчас детей после школы отправляют на море в лагеря отдыхать, набираться сил. А тогда считали, что отдых — это физический труд на воздухе, а море — баловство, которое воспитывает лень. Море находилось от нас всего в шестидесяти километрах.

Нарядами меня вторая мама не баловала. К школе шили пару байковых платьев, а к лету ситцевое. В кинотеатрах начали демонстрировать дневные детские фильмы. Билет стоил 20 копеек. Моему брату давали деньги на кино, а мне нет. Мама говорила: «Мы всю жизнь жили без кино и живы остались, и тебе там делать нечего. Когда будешь зарабатывать деньги, тогда и будешь ходить в кино». Мне нравилось участвовать в школьных

кружках, особенно в спортивном, у меня хорошо получалось, но для этого нужна спортивная форма — трусы, майка и тапочки. Был один ответ: на выдумки денег нет. Как мне было обидно, когда девочки и ребята на колхозных машинах ездили на соревнования в район в выходные дни. А я сидела дома, завидовала девочкам и помогала тете.

Пришло время вступать в комсомол. Преподаватель истории всем кандидатам выдал анкеты для заполнения. Я заполнила и с большой радостью показала маме. Она посмотрела, на моих глазах порвала и сказала: «Нечего чертям душу отдавать». Так я опять осталась за бортом.

В те годы специальность врача и учителя была престижной. Мне очень хотелось стать учительницей. Девочки, которые пошли в школу с семи лет, до войны успели закончить 10 классов, пройти ускоренные подготовительные курсы, направлялись учительницами начальных школ. Несколько девочек направили работать в Прибалтику. Закончился учебный 41-й год, эти девочки-учительницы приехали на летние каникулы домой. Какие они были счастливые, независимые, имели свои деньги и были прилично одеты. Но так как в моей жизни все наперекосяк, и я была только в 9-м классе, могла только завидовать, надеяться и ждать.

В начале учебного года в 9-м классе знакомая девочка прислала письмо из Красно-

дарского педтехникума и сообщила о том, что по новому постановлению правительства за обучение в техникуме надо платить. Многие девочки за неимением средств уехали домой. И если родители согласятся платить, то можно приезжать. Родители согласились, и я уехала. Сдавала экзамен по русскому устно и письменно и математику. Экзамен выдержала, и меня зачислили в техникум. Моя знакомая девочка сняла мне квартиру в том доме, где жила сама. Хозяйкам я понравилась, они меня оставили у себя и предупредили: никаких гулянок по ночам и в квартиру никого не водить. Родители прислали мне деньги заплатить за питание и на обратный билет, чтобы приехать домой. За квартиру хозяйке платил техникум. Я с радостью училась, по всем предметам я успевала, кроме немецкого языка. Ходила на дополнительные занятия по языку, и все вошло в свою колею. Я надеялась на лучшее будущее. В техникуме проводили занятия по военному делу. Оценка по военному делу у меня была — 5. Я получила значок ГТО (готов к труду и обороне), значок ГСО (готов к санитарной обороне) и «Ворошиловский стрелок».

Первый курс я закончила успешно и была переведена на второй курс. Моим мечтам не суждено было сбыться.

Началась война.

(Продолжение следует)